

1854

КРИТИКА

РОМАН И ПОВЕСТИ¹

М. Авдеева. Два тома. СПб. 1853

Господин Авдеев — милый, приятный рассказчик. Его повести не оставались неразрезанными в книжках журналов: это много значит. И если бы какой-нибудь господин, вследствие мудрого правила не читать ничего в ужас или скуку приводящего, редко заглядывающий в русские книги, спросил нас, раскается ли он, прочитав «Роман и повести» господина Авдеева, мы поручились бы ему головою, что не раскается, — поручились бы даже, что он прочитает их с удовольствием. Но если б он был так неделикатен в выражениях, что предложил бы нам свой вопрос в отрицательной форме: «должен ли я жалеть, что не читал повестей и романа г. Авдеева, и необходимо ли мне заглазить свой проступок?», то... то мы не знаем, что бы мы сказали ему.

Отчего же мы не знаем наверное, что бы мы сказали? Оттого, что г. Авдеев — полная честь ему за это — хороший, очень хороший рассказчик; но... но мы не знаем, может ли найтись в его «Романе и повестях» что-нибудь хорошего, кроме того, что рассказаны они хорошо.

Говорят, будто бы достоинство платья зависит единственно от того, хорошо ли, изящно ли оно сделано; но говорят иногда и то, что как бы ни изящно сделано было платье, а все-таки не годится оно, если сделано из поношенной материи или сделано не по мерке. Мы боимся, чтобы последнее замечание не было приложимо к произведениям г. Авдеева, которые subtilным изяществом напоминают произведения модного искусства: написаны они хорошо; но в романе нет свежести, он сшит из поношенных лоскутков, а повести не приходятся по мерке нашего века, готового примириться скорее с недостатками формы, нежели с недостатком содержания, с отсутствием мысли. Мы боимся, что строгие люди скажут: в чем нет мысли, до того нам нет и дела. Впрочем,

мало ли что́ могут сказать строгие люди! Их нечего слушать; лучше посмотрим, что́ нам должно сказать о романе и повестях одного из любимых наших беллетристов.

Когда явились первые части «Тамарина» (Варинька и Записки Тамарина), которыми дебютировал г. Авдеев, все в один голос сказали, что это буквальное подражание «Герою нашего времени»; многие сказали еще, что в этом подражании, как и во всех буквальных подражаниях, искажен дух, смысл подлинника; что Лермонтов — мыслитель глубокий для своего времени, мыслитель серьезный — понимает и представляет своего Печорина как пример того, какими становятся лучшие, сильнейшие, благороднейшие люди под влиянием общественной обстановки их круга, а что г. Авдеев добродушно выставляет своего Тамарина истинно великим человеком и добродушно преклоняется перед ним. Г. Авдеев хочет придать своему произведению другой смысл. В предисловии к своему роману он говорит: «Автор разбора сочинений Пушкина² заметил, что Онегин и Печорин составляют один тип, изменившийся при последовательном развитии. Это замечание дало мне мысль проследить дальнейшее развитие типа «героев своего времени». Вот цель, с которой я задумал Тамарина. Лермонтов увлекся своим героем и поставил его в каком-то поэтическом полусвете, который придал ему ложную грандиозность. Ослепленное ярким эффектом красок и искусной драпировкой героя, большинство увлеклось им и, вместо того, чтобы увидеть в нем образец своих недостатков, стало ридиться в него, стало ему подражать; он породил Печориных в обществе. С этих-то действительных Печориных писан мой Тамарин. Показать обществу и человеку, как они обманывались, и показать разоблачение этого обмана — вот в чем была моя задача». Действительно, такова цель и смысл последней из повестей этого романа — «Иванов». Но «Иванов» (о нем речь впереди) писан через два года после «Рассказа Ивана Васильича», и автор мог измениться и изменить взгляд на своего героя в это время, мог — при помощи критики — разочароваться в Тамарине и позабыть, что был им прежде очарован, мог после увидеть в своих первых повестях не то, что́ действительно в них было. Примеров такой забывчивости о своем прежнем нравственном положении — множество, и мы желали бы указать их, если бы не боялись, что и без того наш разбор будет слишком обширен. Одним словом, мы верим в искренность объяснения (или, скорее, оправдания); но до какой степени оно справедливо? Нет, не с подражателей Печорину писан портрет Тамарина, а черта в черту, сцена в сцену переписаны две первые повести этого романа с Бэлы и княжны Мери из «Героя нашего времени». Копия так буквальна, что нет возможности видеть в ней что-нибудь, кроме копии. нет возможности видеть в первой половине романа хотя тень самостоятельности в изложении, не толь-

ко самостоятельного взгляда. Попробуем сделать краткий обзор этой первой половины романа.

В «Герое нашего времени» две главные повести: «Бэла», рассказываемая простодушным Максимом Максимычем, и «Княжна Мери», дневник Печорина. И у г. Авдеева две повести: «Варинька», рассказываемая Иваном Васильичем, и «Я, тетрадь из записок Тамирина» (это гордое «Я» исчезло во втором, отдельном издании: автор лишил своего уважения это «Я» Тамирина, которое прежде величественно красовалось, внушая читателю глубокое уважение). Но если Максим Максимыч рассказывает своим языком и действительно своими глазами смотрит на вещи, то Иван Васильич, говоря фразами Максима Максимыча, беспрестанно проговаривается и отдает свой язык в распоряжение Печорина, Тамирина или самого г. Авдеева. Примеров первого не нужно приводить: они составляют фон рассказа; вот примеры второго, эпизодически прорывающегося тона:

Описание на целой странице Джальмы, коня Тамирина; Джальма, чуть проедет несколько шагов, из серого в яблоках «делался розовый: так тонка была у него кожа!» Кому, кроме Печорина, имеющего страсть говорить о лошадях тем тоном, каким говорят о женщинах, придет в голову эта «тонкость»? И действительно, вслед за этим Иван Васильич принужден делать такое же описание Вариньки, у которой был «тонко схваченный стан» и темноглубые глаза, спокойно смотревшие на божий мир, как будто в нем не было ни горя, «ни длинного ряда заблуждений и обманов, в конце которого часто стоит разочарование и могила». Помилуйте, разочарования и не понимает, не смотря на все объяснения Тамирина, Иван Васильич, а о могиле не думает он, глядя и на старушку Мавру Савишну, не только на свеженькую, полную здоровья дочку ее. Никто, кроме разочарованного, не может заключить описание этою фразою. Потом Иван Васильич, имеющий понятие только о том, что дочь должна быть доброй, послушной дочерью, говорит, что мать «не имела на нее никакого морального влияния» — ну где же ему думать о моральных влияниях? Опять об этом толкует (и очень подробно) Тамирин (смотри его объяснения с Варинькою). В угодность княжне Мери и артистическим вкусам Тамирина, Иван Васильич даже украшает виртовским роялем комнаты простодушной помещицы средней руки, между тем как выписные из Петербурга рояли и теперь попадают еще только в самых аристократических провинциальных домах. Он замечает перемену в пении Вариньки, когда она влюбилась в Тамирина: «в ее голосе была такая полнота звуков, такая сила, такой грустный и вырвавшийся из души плач», что, очевидно, недаром Иван Васильич (читай: Тамирин), умевший оценить и описать это, был постоянным посетителем итальянской оперы. Дурно только то: мы знаем, по какому поводу и кому рассказывает «Бэлу» Максим

Максимыч, и решительно не знаем, с какой стати Иван Васильич дарит нас рассказом своим, из которого видно, что недаром он бывал в опере и читал Гоголя. Лирических заимствований из Гоголя у него бездна:

«Как вздумается ему (Тамарину) окрестить тебя так, шутки ради, каким-нибудь словцом, холодно, мимоходом, как он иногда это делает, а огорошит им тебя хуже пули, и насмеется над тобою всякой, и дурак, и умный, и пойдет это словцо из уст в уста...» и т. д. Сравнить с этим можно еще воспоминания Ивана Васильича о меткости школьных прозвищ. Или: «И странна показалась ей (Мавре Савишне, матери Вариньки) эта перемена в голосе дочери, безотчетно забилося сильнее обыкновенного ее любящее, материнское сердце, и опустила она чулок, и не окончила фразы, и задумалась Мавра Савишна, слушая песню своей Вариньки...» и т. д.

Одним словом, если Максим Максимыч умеет рассказывать, как Максим Максимыч, то Иван Васильич умеет рассказывать, как Иван Васильич и г. Авдеев вместе. Ясно, что похожие то на себя, то на других рассказчики могут быть только подражателями. О том, что Тамарин в своих записках переписывает все размышления Печорина, нечего и говорить. Но это сходство преднамеренное? В том и дело, что сходства нет, а есть только буквальная, но не похожая на оригинал, по своей неудачности, копировка. У Лермонтова видно, что Печорин страдал и высох и действительно утомился жизнью; из записок Тамарина этого ничего не видно: он хочет, по очевидному желанию автора, выставить себя Печориным, но выставляет себя решительно Грушницким.

Но, может быть, этого и хотелось автору? Может быть, он в самом деле хотел «разоблачить» своего героя? Нет, он не разоблачил: он просто не сумел одеть его; а ему хотелось, очень хотелось одеть его в самый поэтический наряд. Вот один из бесчисленного множества примеров поклонения автора разукрашаемому им в герои лицу:

«Тамарин (в нашем избитом экземпляре чья-то досужая рука, зачеркнув «Тамарин», приписала: *Наполеон*) сидел и думал. О чем он думал, бог ведает: это лицо так привыкло не выдавать тайных дум, что и наедине, как в гостиной (та же рука, зачеркнув «в гостиной», приписала: *в битвах*), оно было, по привычке, холодно, спокойно и безмолвно. Только в больших темных глазах было выражение. Это не было выражение мелочного самодовольства, удовлетворенного самолюбия. Нет, в них было гордое выражение человека, сознавшего собственную силу (на поле тою же рукою приписано: *се лев, а не собака*), что-то похожее на торжество оскорбленного самолюбия, которому отдали должную справедливость. Светло и гордо смотрели эти темные глаза, и странно было их выражение, полное жизни, ~~на~~ холодном, спокойном лице, в пустой, полуосвещенной комнате».

Увы! никакие потоки оправданий не смоют блестящего лака, не докажут, что есть хоть малейшая возможность видеть в этом не апофеозу, не простодушное поклонение; увы! ясно, что автор рисует льва, и вина кисти, а не живописца, если вместо льва нарисовалась собака! Слушайте дальше:

«Перед его внутренними очами рисовалась картина его прошедшей, неведомой нам жизни, должно быть, бурной и обильной происшествиями жизни, в которой выработался этот твердый, холодный характер, выдержался мощный ум (которого, однако, не заметно), жизни, которая должна была разбить его и из которой он вынес новые силы».

Если это писано без поклонения своему герою и своим фразам, то мы вправе предполагать, что и г. Котляревский написал своих «Крымских цыган»³ для разоблачения Муллы Нура и Ам-малат-Бека,⁴ а г. Бенедиктов пишет свои стихи для того, чтобы показать суетность исковерканно-напыщенных фраз. Нет, не критику, а восторженный панегирик Тамирину писал г. Авдеев, руководствуясь не действительностью, а ложно понятым романом Лермонтова.

Лица у него взяты целиком из Лермонтова: кроме Печорина и Максима Максимыча, в «Герое нашего времени» есть Вера — она стала баронессою Б., муж Веры — бароном Б., Бэла и княжна Мери слились в Вариньку; даже доктор Вернер нашел себе буквальную копию в Федоре Федорыче (тоже, очевидно, русский немец Фридрих Фридрихович); Грушницкого брат было уже нельзя: он, неведомо от автора, отождествился с Тамириным, который также толкует Вариньке: «Да что я вам? Поймете ли вы меня? Моя судьба — тайна между небом и мною...» и т. п., как толковал это, по предположениям Печорина, Грушницкий какой-нибудь деревенской барышне перед своим поступлением в юнкера. Да, мы и многие другие ошибались, думая, что Тамарин — Печорин: это — Грушницкий, явившийся г. Авдееву во образе Печорина.

Да, г. Авдеев написал пародию, но не на тип Печорина, а на Лермонтова, как Козлов написал в своем «Чернце»⁵ пародию на Байрона: оба они не ведали, что творили. Но г. Авдеев имел перед Козловым ту выгоду, что критики его были пронизательнее критиков пушкинского времени и показали ему истинное значение его Тамарина.

И надобно отдать полную справедливость прекрасной способности г. Авдеева заметить недостатки, на которые укажут ему, — прекрасной способности, доказывающей, что его развитие еще впереди. Он совершенно изменил понятие о своем герое, когда ему показали, что за петух этот лже Печорин-Тамарин-Грушницкий; он постарался придать по возможности другой смысл своему роману и приписал к прежним рассказам — окончание записок Тамарина и «Иванова».

В «окончании записок Тамарина» (сцены после замужества Вариньки) вместо прежнего Печорина и княжны Мери являются Онегин и Татьяна, вместо сцен из «Героя нашего времени» — последняя глава «Евгения Онегина». Положения, оправдания и мольбы, раскаяние и возродившаяся любовь Тамарина, гордый в страдании ответ Вариньки, — все слово в слово взято из «Онегина». Тамарин говорит:

«Послушайте, я прежде не умел вас понимать; я не мог вас понять; я не был к этому подготовлен; но теперь я вас люблю, Варинька. Я вас так люблю, что заставляю вас забыть прошлое и простить меня... Вы простите меня?»

Варинька отвечает:

«Что мне в этом? Разве я кокетничала с вами, чтобы возбудить вашу любовь? Напротив, она глубоко огорчает меня, потому что больше заставляет жалеть невозвратимое. И вы думаете, легко мне теперь? Знаете ли, что я делала сейчас до вашего прихода? я мечтала о деревенской девочке, которая увидела одно загадочное, интересное для нее существо. Как она была счастлива!.. Прошло полгода, и в этой неопытной, наивной девочке я не узнала себя!..» и т. д.

Хотели было мы заметить, что в Татьяне действительно могло измениться все, потому что она переехала из деревни в высшее петербургское общество и прожила в нем несколько лет, а между Варинькою до замужества и через полгода после замужества такой огромной разницы быть не могло, потому что ничто в ее обстановке не изменилось... но если бы стали мы говорить об этом, то могли бы забыть похвалить точность и близость, полностью перевода. Хотели было мы сказать, что переписывать и Пушкина, как Лермонтова, трудно, не испортив стройности и смысла картины; но лучше заметить, что гораздо легче браться за переделку, правда, не колоссальных, а просто очень хороших произведений, напр., хоть за переделку «Полиньки Сакс»⁶, превосходный снимок с которой заканчивает Тамарина.

Эпилог этот называется «Иванов». Тут под именем Иванова является в своем мундирном фраке подлинный Сакс, человек нового направления, перед которым окончательно стушевывается Тамарин, представленный уже решительно пасквилом на прежнего Тамарина. Точно так же, как Сакс, Иванов энергический защитник правды на поприще служебной деятельности, бесстрашно, неутомимо борется с лицеприятием и т. д., так же спокойно и возвышенно говорит, так же ставит правду и дело выше личного счастья и любви, точно так же едет в командировку на следствие, — точно так же все, кроме того, что, сколько нам известны провинциальные служебные отношения, Иванов не умеет выдерживать их в подвигах своего служебного рвення.

Одним словом, роман г. Авдеева с начала до конца — чистая, кажется, бессознательно переписанная копия сперва с «Героя нашего времени», потом «Героя нашего времени» и «Онегина», потом «Героя нашего времени» и «Полиньки Сакс». В нем воскрес-

ла перед нашими глазами русская литература XVIII века с трагедиями Княжнина, о которых еще Мерзляков говорил, что в них нет ни слова своего.

Мы говорили о «Тамарине» подробнее, нежели будем говорить об остальных произведениях г. Авдеева, потому, что на «Тамарине» основана известность г. Авдеева, и потому, что хоть в наше время совестно объявлять себя защитником подражательного рода, но во все времена говорили: давайте нам лучшее хорошее чужое, нежели... не то, чтобы дурное, — напротив, очень милое, но не заключающее в себе ровно ничего своего. «Тамарин» заставил нас ожидать от г. Авдеева нового и лучшего, показав в нем способность к развитию, стремление принять в себя мысль, стремление к содержанию; но ни одна из его изданных до сих пор повестей не может еще назваться произведением человека мыслящего. Нам кажется, что если о господине Авдееве будут говорить, как о замечательном писателе, то уже никак не упоминая о его доселе изданных повестях; а если придется говорить только о них, то о нем ничего не будут говорить. Потому и мы теперь можем быть кратки. После «Тамарина» г. Авдеев написал шесть повестей и рассказов: «Ясные Дни», «Горы», «Деревенский Визит», «Нынешняя Любовь», «Поездка на Кумыс», «Огненный Змий». Мы обратим внимание только на две лучшие повести: «Ясные Дни» и «Нынешняя Любовь», потому что из остальных заслуживала бы разбора только одна — «Огненный Змий»; но мнение о ней найдут читатели в другой статье, в следующей книжке «Современника»⁷, и здесь только для полноты обзора мы повторим отзыв об «Огненном Змие», слышанный нами от одного из людей, очень любящих изящество во всем и решительно не думающих поставлять народность или даже простонародность рассказа в дубова.ости языка: «от Огненного Змия пахнет лоделавандом». А что касается до других трех рассказов, они едва ли были и замечены кем-нибудь. «Горы» ровно наполовину состоят из длиннейшего, но легко читающегося приступа, в котором сначала объясняется, почему автор любил приезжать в гости с Локтевым и почему Локтев достоин любви: потому, что он никогда не сделает неловкости, никогда не заставит вас покраснеть за то, что вы вместе с ним вошли в гостиную, — как будто бы ныне в порядочном обществе, не только петербургском, но и провинциальном, много наберется таких невыполированных молодых людей, которые могут своими неловкостями заставить покраснеть вошедшего вместе с вами в гостиную или на вечер? Галантейные рассуждения этого начала напоминают «Тамарина». Потом в приступе очень подробно, мило и легко пересказывается двухчасовая *causerie* втроем (рассказывающий, Локтев и хозяйка) у m-me К. Наконец, начинается повесть: Локтев рассказывает, как он имел в башкирской деревне *rendez-vous* с хорошенькой башкиркой Изикэй и как муж ее, подстергши измену,

не показал и виду, что знает все шашни, а потом, когда, при переезде через горы, представился удобный случай, столкнул жену с лошадыю, на которой она сидела, в овраг, на дне которого отскивают ее раздробленным трупом. М-ме К. приходит в ужас от кровавого описания; тогда Локтев говорит с улыбкою: «вы непременно хотели, чтобы я вам рассказал ужаснейший случай моей жизни; ужасного ничего со мной не случилось, и я придумал для вас этот рассказ». Но «умысел другой тут был» у Локтева: он хотел пощекотать ревность м-ме К., потому что они забавляются, строя друг другу куры. М-ме К. дивится живым подробностям импровизации; готовы дивиться и мы, если только «Горы» действительно импровизация, и это избавит нас от необходимости заметить, что хитрый башкирец не выдерживает своего лицемерства в решительную минуту и не отправляется отыскивать жену, упавшую, по его словам, случайно. Не изъявляя участия к ее судьбе, он может возбудить против себя подозрение. И зеленеет он, столкнув жену, совершенно без причины: ведь по башкирским понятиям он поступил не дурно. «Деревенский Визит» и рассказан дурно, кроме анекдота о том, как Иван Игнатьевич видел русалку. Это — неудачнейшее из произведений г. Авдеева. «Поездка на Кумыс» — письма с дороги, вроде «Писем Русского Путешественника»; они занимают сто страниц, не наполняя их. Мы не говорим, чтоб их не стоило писать; но едва ли стоило их перепечатывать. Такого же мнения мы держимся и относительно «Деревенского Визита». Но и сам г. Авдеев, конечно, не придает большой важности ни этим двум своим произведениям, ни «Горам». Потому перейдем от них поскорее к его грациозной идиллии «Ясные Дни». Это действительно светлая, радужная идиллия, вполне оправдывающая свое заглавие; это действительно милая, привлекательная картина, писанная с любовью, и много чувства потратил автор на ее создание, много розовых теней — на ее иллюминировку: все в ней освещено розовым колоритом, все должно действовать на вас отраднo, примирительно, освежительно, оживительно — может быть, и подействовало, если вы читали эту повесть в сладкий час ленивой полудремоты: прелестна показалась вам в этом счастливом случае повесть, и приснились вам ясные сны. Но... гадкое, неотвязное «но!» не должно бы тебе быть места, когда мы говорим о «Ясных Днях».. но если вы читали ее не в сладкий час ленивой полудремоты, то вы сказали, закрывая книгу: «Что за странность! Все это мило, но все это будто бы неправда, будто бы не клеится, будто бы не так». И если не хотите погубить прекрасной, светлой идиллии, постарайтесь не думать о ней, потому что в самом деле все в ней не так, все не клеится, все не ладится.

Что же не клеится? отчего не ладится? Ответа искать недалеко; но мы сначала украсим свой разбор грациозным стихотворением:

О домовитая совушка,
О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка... и т. д.⁸

Что за странность? Что-то не так! Грациозная песенка оказывается нескладницею! Виноваты, виноваты! мы вздумали про сову пропеть то, что можно пропеть только о ласточке!

Г. Авдеев хотел в «Ясных Днях» опозитизировать, идеализировать все и всех в избранном им для идиллии кругу. Но дело известное, что не всякий кружок, не всякий образ жизни может быть идеализирован в своей истине. Трудно идеализировать бессмыслие и дразги. Спору нет, в самом пошлом человеке, в самом отталкивающем тунеядце есть что-нибудь человеческое, и в жизни его есть или были светлые, человеческие отношения, есть или были поэтические минуты. Идеализируйте их, если у вас идеализирующий, примиряющий взгляд; и ваше дело будет правдивое, благородное дело, потому что в пошлом или ничтожном человеке будете учить нас любить человека. Но говорить нам: люби в этом человеке все, — нет! это не дело истины и поэзии: это — дело поверхностной, апатической, антипоэтической непроницательности.

А г. Авдеев говорит нам: полюбуйте на всех выводимых мною людей всецело, во всей обстановке, полюбите их жизнь: посмотрите, какая светлая, чистая, славная эта жизнь! Посмотрим же, что это за люди и какова их жизнь! Идут ли к ней розовые краски? Не будем даже рассматривать, прикрашивает или нет он своих милых идиллических любимцев; возьмем их такими, какими он их выводит нам на аркадский лужок, и посмотрим, каковы они — хоть друг с другом. Может быть, эти голуби в сущности вовсе не голуби, а просто-напросто осовевшие под розовыми красками коршуны и сороки; может быть, от этих сов плохо приходится очень многим, потому что тунеядцы должны же кого-нибудь объедать... Но теперь нам некогда говорить об этом, и мы посмотрим только, по-голубиному ли живут хоть между собою эти голуби. Театр — деревня.

Начнемте с почтенного Василья Сергеевича. Это — олух и пентюх в полной форме, тупой, лежебокий и оглупевший донельзя. Таких мужей и желают и образуют себе дамы, подобные его домохозяйке. Много ли достается таким мужьям (ведь немногие же рождаются пентюхами: людьми рождаются, олухами делаются, скажем в подражание изречению о поэтах и ораторах), много ли достается им от учительницы, пока они пройдут курс учения. Наш домохозяин, по уверению г. Авдеева, «спокойно отдал и себя и хозяйство в управление распорядительной супруги»: счастливец! он избежал ужасов междоусобной войны за власть в доме. Но, как вы думаете, кисло или сладко ему жить под крылышком голубицы своей? Ведь и крылышком может довольно изрядно похлыстать бойкая птичка. Как вы думаете, ведь

у него есть же какие-нибудь свои желания? Позволяется ли ему исполнять их? Дадут ли ему теперь, например, 170 рублей на покупку хорошего ружья, какое удалось ему купить встарину? Воля ваша, ходить по струночке — плохая жизнь. А как вы думаете, по сколько раз в день колят ему глаза тем, что он «ни во что не вступается, потакает людям, дает людям жену в обиду» и т. д.? Может быть, и мягкий у него диван, да много в этом диване наткано булавок.

О его распорядительной супруге нечего распространяться. Вы знаете, что если сердце у распорядительных хозяек часто бывает мягкое, то рукавицы у них всегда ежовые. Она, конечно, счастливее всех; но довольна ли она своим положением? Как вы думаете, только бранит она мужа, или в самом деле негодует на него, презирает его? И от чистого ли сердца она жалуется на него своим прихлебательницам? Поверьте, что часто от чистого сердца, потому что ее положение выгодно, но неестественно и очень тяжело. В самом деле, ей приходится надсажать себе горло и отбивать ноги. Деревнею править — воз везти: тяжело.

А хороший ли человек этот идеал смиренства и глупости, Иван Иваныч, над которым все хохочут, которым помыкает даже Василий Сергеич? Вероятно, потому, что он не взял к себе своей тетки, хоть она ходит пешком из своей усадьбы в деревню к Марье Степановне, хоть у нее парадное платье — холстинковое, а у него, холостого байбака, 80 душ. Родственные-то чувства процветают в Аркадии г. Авдеева, и глупцам в ней счету нет; но глупость глупостью, а копейки из рук никто не выпустит.

Прекрасные соображения о счастье и душевном благорасположении ко всем близким и остадным членам кружка также легко сделать.

Вот в этот кружок приезжают двое мальчиков или юношей: сын Марьи Степановны и его товарищ, в отпуск на 28 дней, и в нем-то растет Лиза, дочь Марьи Степановны, и в нем-то разгрыбается идиллия. Не сомневаемся, что можно и должно было осветить розовыми лучами хорошенькие личики этой веселой, пока еще доброй, пока еще не оглупевшей и не совсем опошлившейся молодежи; но если г. Авдеев хотел нарисовать картину одними розовыми красками, то надобно было для этих полудетей выбрать другую обстановку или, по мере возможности, оставить в таинственном полусвете все их окружающее. Но г. Авдеев до того любит розовые фигуры, что вывел в полном розовом освещении всех, кто попался ему под перо: и мужиковатую, полную претензий и неуступчивости бой-бабу Татьяну Терентьевну, и дебело-плотную фигуру распорядительной хозяйки Марьи Степановны, и отсыревшего, ленивого байбака Василья Сергеевича, и ничтожного олуха Ивана Иваныча. Все это Тирсисы и Хлои.

И сахару класть в чай слишком много не годится, а он угощает нас патокою.

Хотите ли, мы расскажем, как на самом деле проходили его слишком «Ясные Дни?» Приезжим обрадовались, это правда: минута приезда действительно была идиллическою; потом молодежь любезничала и веселилась, и это правда. А остальные лица грязлись, сплетничали, скучали при них, как без них.

Да и молодежь так ли идиллически веселилась, как рисует г. Авдеев? едва ли. По крайней мере, нет сомнения, что ни один осмнадцатилетний юноша, выпивший, подобно его Волжину, не одну бутылку «редерера», не будет, как Волжин, сам не зная, какое чувство влечет его к Лизе; по крайней мере несомненно, что ныне девушки или девочки болтают о любви гораздо раньше его Лизы. А его Волжин и Лиза не влюбились друг в друга — нет! они просто находили «неизъяснимую для них самих прелесть быть вместе»; нет, идиллия г. Авдеева слишком уже эфирна; она слишком хитро идеализирует.

Дезульеровские пастушки — просто забубённые головы в сравнении с его пастушками.

«Бедная Лиза» — гоголевская повесть по естественности в сравнении с «Ясными Днями».

И как жаль, что эта приторная до странности сентиментальность уживается вместе с прекрасным умением рассказывать!

Лучшая из повестей г. Авдеева, по нашему мнению, «Нынешняя Любовь». Она так же хорошо рассказана, как и «Ясные Дни»; но в ней более содержания и менее увлечения тем, что не заслуживает любви. В ней найдется много справедливо подмеченного. Не так ныне любят, как должно любить — вот тема автора: слишком осторожно, слишком расчетливо приступают к любви: выбирают предмет страсти, осматриваясь, будут ли этим выбором соблюдены все условия света, и т. д. — тема, видите, которую развивал еще Рахманный в своей великолепной повести: «Любовь Петербургской Барышни», из чего и надобно заключить, что и в былые времена нашей литературы любили светские люди точно так же и были осуждаемы поэтами с возвышенным взглядом на любовь точно так же. А когда же, смеем спросить, не так любили? Разве в средние века, в классическое время любви, рыцарь избирал в дамы своего сердца горожанку? Разве не старался он отыскать какую-нибудь графиню или герцогиню? А красавицы разве обращали взоры на оруженосцев или бурgeois? Справиться об этом можно не далее, как в X томе полного собрания сочинений А. Пушкина, в котором помещены «Сцены из рыцарских времен». Увы, всегда люди старались, по возможности, не нарушать того, что в их время считалось «условиями света». Всегда они искали не достойнейших своего сердца, а достойнейших своей руки. Может быть, это и дурно; но если дурно теперь, то еще хуже было прежде, и наш идеал не в прошедшем, а в будущем. Но ныне холоднее прежнего любят, осмотрительнее предлагают и принимают руку? А прежде разве женились на тех,

220

кто понравился, не справляясь о средствах к жизни? Многие можно сказать против нынешней любви, но не то, что говорит г. Авдеев, который говорит, впрочем, так, что и нельзя составить себе ясного понятия о том: что же он говорит? и за что нападает на нынешних людей? Да полно, и представители ли нынешнего времени те лица, о которых он говорит? По крайней мере, если молодые люди теперь читают *Debats*⁹, то не с любовью, а с отвращением, только потому, что у них под руками нет менее пошлых газет. Да и не газеты читают они, а книги, о содержании которых, кажется, не имеет и понятия Черков. Нам кажется, что Черков виноват только тем, что, подобно очень многим из наших молодых людей, не получил направления и так поверхностен, что не сумел сам образовать себя. Не так любят истинные представители и представительницы нашего времени, как Черков и Сашенька. Разве думаете вы, что Печорин, уже не говоря о Бельтове, будет спрашивать у своей избранной, сколько за нею душ, если вздумает жениться? Нет, он просто скажет ей: «у меня вот какие средства к жизни; за вами приданого столько-то; следовательно, мы будем должны вести вот какой и вот какой образ жизни. Подумайте хорошенько, будете ли вы им довольны при нашей любви? Я думаю, что вы будете довольны, иначе и не вздумал бы говорить вам об этом; а впрочем, подумайте хорошенько». Нет, Черков, колеблющийся между возможностью тратить деньги на «Дебаты» и между любовью, человек не нашего времени. Человек нашего времени думает проще и благороднее, нежели эти отсталые, недопеченные умники; он думает: «я буду с нею счастлив, надобно теперь подумать о том, будет ли она со мною счастлива». Нам кажется, что никогда умные люди не любили так благородно, так бескорыстно, как в наше время, никогда не любили так независимо от пошлостей, против которых еще долго будет надобно бороться любви.

Но довольно. Скажем же свое общее мнение о литературной деятельности г. Авдеева.

Он обнаружил несомненный талант повествователя, — обнаружил в заменении Тамарина Ивановым и способность к принятию лучшего, серьезнейшего взгляда. Но мы еще не читали его произведений, в которых бы отразилась своя, не избитая и не отсталая мысль. Может ли он со временем дать нам свое и такое, что действительно принадлежало бы современной жизни по развитию мысли? Может, если серьезно подумает о том, какие люди, с какими понятиями о жизни истинно современные люди, истинно современные писатели; если увидит различие между элегантно отсталостью или выполированной *sauserie* и серьезным пониманием жизни, если убедится, что мысль и содержание даются не безотчетною сантиментальностью, а мышлением.

И тогда он, может быть, даст нам много истинно прекрасного.